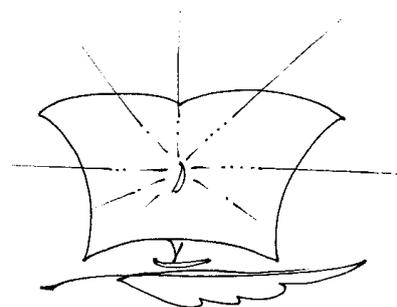

МЫСЛИТЕЛИ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

В. В. Яковлев

ЧУДЕСА В ОСМЫСЛЕНИИ Б. СПИНОЗЫ: РАКУРСЫ КОНЦЕПЦИИ

Статья посвящена исследованию концепции чудес Б. Спинозы, изложенной им в главе VI «О чудесах» «Богословско-политического трактата» и построенной на анализе чудес Библии. Выдвинуты аргументы, подтверждающие предположение, согласно которому концепция чудес Спинозы была подчинена не только ракурсу критики, но и ракурсу сдержанного оправдания чудес как неотъемлемых феноменов религиозного мировидения.

Ключевые слова: чудо, Библия, философия религии, Бенедикт Спиноза.

Предлагаемый сюжет актуален потому, что в отечественной философии религии особенности осмысления категории «чуда» в философии религии Нового времени остаются поверхностно изученными. В частности, нуждается в специальных исследованиях концепция чудес Б. Спинозы, изложенная им в главе VI «О чудесах» «Богословско-политического трактата»¹ и построенная на анализе чудес Библии. Отечественные учёные справедливо отмечали, например, что Спиноза указал на «несовместимость чуда с закономерностью природы»² и видел проблему чуда «в контексте соотношения детерминизма и причинности»³. В этой связи они в основном развивали доказательную базу не лишённой основания максимы, согласно которой данная концепция является образчиком рационально-философской критики чудес. Возможность преподнесения концепции чудес Спинозы в другом ракурсе ими, как правило, не рассматривалась.

Настоящая статья, соответственно, обращена к проблеме известной тенденциозности, отличающей характеристики идей Спинозы о чудесах, принадлежащие отечественным интеллектуалам. Новизна эссе определяется постановкой цели, заключающейся в поиске нового ракурса концепции чудес Спинозы. Задача, в соответствии с этим, состоит в вы-

полнении полномасштабного обзора его идей о чудесах.

Спиноза начал с рассказа «о мнениях и предрассудках толпы» о природе и чудесах⁴. Так повелось, что «как знание, превышающее человеческое понимание, называется божественным, так и дело, причина которого толпе неизвестна», называется божественным, либо делом божьим. Толпа полагает, «что могущество и промысл божий обнаруживаются яснее всего тогда, когда... в природе случается нечто необыкновенное и противоречащее мнению, которое в силу привычки она имеет о природе, особенно если это доставит ей выгоду или удобство». По мнению же толпы, существование Бога⁵ ясно доказывается «из того, что природа, как думают, не сохраняет своего порядка».

Поэтому всех истолковывающих «вещи» и чудеса посредством естественных причин или пытающихся понять их, считают устраняющими Бога или, как минимум, «промысл божий». Полагают далее, «что Бог до тех пор ничего не делает, пока природа действует обычным порядком, и, наоборот, что мощь природы и естественные причины... до тех пор бездеятельны, пока Бог действует». Следовательно, люди «воображают две мощи... отдельные одна от другой, именно: мощь Бога и мощь естественных вещей... определённую

или... созданную Богом»⁶. По предположению Спинозы, так повелось «от первых иудеев». Почувствовав к этому вкус, люди «до сих пор не прекратили выдумывать чудеса», чтобы выдавать себя за избранников божьих.

Спиноза объявил о намерении показать (по «пунктам»): «1) что ничто не совершается вопреки природе, но что она сохраняет вечный, прочный и неизменный порядок, и заодно – что должно разуметь под чудом; 2) что мы из чудес не можем познать ни сущности, ни существования, а следовательно, ни промысла божьего, но что всё это гораздо лучше понимается из прочного и неизменного порядка природы⁷; 3)... что Писание под решениями и велениями Бога... а следовательно, и под промыслом... разумеет не что иное, как самый порядок природы, необходимо вытекающий из её вечных законов»⁸. Спиноза пообещал также сказать «4) ...о способе толкования чудес Писания и о том, на что преимущественно должно обращать внимание в повествованиях о чудесах».

Первый пункт, по мнению Спинозы, следует из того, что было доказано им в 4-й главе трактата «относительно божественного закона, именно: что всё, чего Бог хочет или что Он определяет, заключает в себе вечную необходимость и истину». С другой стороны, из того, что «всё необходимо истинно только вследствие божественного решения... следует, что всеобщие законы природы суть и настоящие решения Бога, вытекающие из необходимости и совершенства божественной природы». Выходит, подытожил Спиноза, случись в природе что-нибудь противоречащее её всеобщим законам, то это «противоречило бы также и разуму и природе божественной». И, утверждая, что Бог совершает что-либо «вопреки законам природы», человеку пришлось бы утверждать, что Бог «поступает вопреки своей природе». Всё это, естественно, нелепо.

Аналогичные заключения, по признанию Спинозы, он мог бы «вывести из того, что мощь природы... есть сама божественная мощь и сила, божественная же мощь есть... сущность Бога». Опираясь на приведённые аргументы, Спиноза и установил: в природе не происходит ничего, что противоречит её всеобщим законам, потому что всё, что происходит, «совершается по законам и правилам, заключающим в себе вечную необходимость и истину»⁹. Т. е. природа неизменно сохраняет заключающие в себе вечную необ-

ходимость и истину правила и законы, и, тем самым, «она сохраняет и прочный и неизменный порядок»¹⁰.

Произведя эти рассуждения, Спиноза пришёл к выводу, «что слово “чудо”... можно понимать только в отношении к мнениям людей и оно означает не что иное, как событие, естественной причины которого мы не можем объяснить примером другой обыкновенной вещи или по крайней мере не может тот, кто пишет и рассказывает о чуде». У Спинозы было в запасе и ещё одно определение: «чудо есть то, причина чего не может быть объяснена из известных принципов естествознания при помощи естественного света». Однако он тут же уточнил, что чудеса совершались в соответствии «с пониманием толпы», не знавшей принципов естествознания. Следовательно «древние» расценивали в качестве чуда то, что не способны были истолковать посредством применяемого толпой способа объяснения естественных вещей, т. е. «прибегая к памяти, чтобы припомнить другую подобную вещь, которую обыкновенно принимают без удивления». Ибо толпа считает, что вполне понимает вещь, если та не вызывает у неё удивления. Как полагал Спиноза, «у древних и почти у всех до настоящего времени никакой нормы для чуда, кроме этой, не было»¹¹. Он рекомендовал не сомневаться, что в Священном Писании выдаётся за чудеса многое, основания чего подлежат объяснению известными принципами естествознания¹².

Приводимые Спинозой рассуждения по второму пункту весьма обширны и обстоятельны. Поскольку, согласно его заключению, «существование Бога само по себе неизвестно», то знание о Нём нужно выводить из понятий, содержащих прочную и незыблемую истину. С другой стороны, если представить, что понятия могут быть изменены некой «силой», то нужно усомниться как в их истинности, так и в существовании Бога. Соответственно, «если бы мы могли мыслить, что в природе может быть сделано какой-нибудь силой... то, что противоречит природе, то это будет противоречить тем первичным понятиям, и, стало быть», требуется либо отвергнуть это как несообразность, либо «подвергнуть сомнению первичные понятия... а следовательно, Бога и всё, что мы каким бы то ни было образом познали». Выходит, по соображению Спинозы, суждение, согласно которому чудеса в их традиционной интерпретации

(как действия, противоречащие порядку природы) обнаруживают существование Бога, является заблуждением. Наоборот, в таком толковании чудеса принуждают человека сомневаться в Боге¹³.

Далее Спиноза показал, к чему приведёт вынесение предположения, согласно которому чудо представляет собой то, что не подлежит объяснению естественными причинами. Пускай и трактовать это можно по-разному. Итог один: поскольку всё совершаемое по естественным причинам, «совершается также только вследствие мощи и воли божьей», то неминуемо потребуется признать, что чудо (с естественными причинами или без них) «есть нечто, чего причиной объяснить нельзя, т. е. нечто, превосходящее человеческое понимание». Однако, по определению, из чуда, как и из «дела», превышающего человеческое понимание, «мы не можем понять ни сущности, ни существования божьего, ни вообще чего-либо о Боге и природе».

По мнению Спинозы, если вдуматься, из чудес невозможно выводить существование Бога¹⁴. Ведь раз чудо – «ограниченное дело», всегда выражающее лишь «известную и ограниченную мощь, то... мы из такого действия не можем заключать о существовании причины» с бесконечной и большей мощью¹⁵. И это весьма весомое обстоятельство, ибо известно, что «из стечения многих причин может последовать какое-нибудь дело, которого сила и мощь... гораздо больше мощи каждой причины в отдельности». Однако в силу того, что законы природы «распространяются на бесконечное... и природа поступает согласно им в известном и неизменном порядке», то тем самым они являют человеку неизменность, бесконечность, вечность Бога. Отсюда Спиноза сделал вывод, что посредством чудес люди не могут познать Бога, Его «промысл» и существование, «но об этом гораздо лучше можно заключать из прочного и неизменного порядка природы».

Спиноза не признавал никакой разницы между противоестественным и сверхъестественным «делом». Рассматриваемое и как сверхъестественное «дело» чудо происходит не где-нибудь, а в природе, и, значит, всё равно «оно необходимо нарушает порядок природы», мыслимый неизменным и прочным «в силу решений Бога»¹⁶. Стало быть, резюмировал Спиноза, чудо, преподнесённое в виде противоестественного или сверхъестествен-

ного события, «есть чистый абсурд», а чудо в Священном Писании – это «дело природы... которое превышает – или о котором думают, что оно превышает, – человеческое понимание».

Правда, Священное Писание, по признанию Спинозы, прямо «не учит» тому, «что из чудес мы не можем познать Бога». Тем не менее, эту мысль не трудно вывести из его содержания. Например, предписание Моисея осуждать на смерть даже совершающего чудеса «пророка-обманщика»¹⁷, по мнению Спинозы, было связано с тем, что чудеса могли вершить и «ложные пророки» и что публика может, ссылаясь на чудеса, с легкостью принимать «ложных богов». Потом, у видевших множество чудес израильтян, не сформировалось «никакого здравого понятия о Боге». Дело дошло даже до того, что они «выработали» представление о Боге в облике тельца¹⁸. Между тем, в Писании не редко упоминается, что Бог творил чудеса для того, чтобы люди ведали о Нём. Например, там сказано, «что Бог издевался над египтянами и давал знамения о Себе, дабы израильтяне знали, что Он есть Бог»¹⁹. Однако Спиноза предупредил: это не значит, что чудеса «учат» данной истине; просто взгляды иудеев позволяли с лёгкостью убеждать их с помощью чудес²⁰.

Рассуждения Спинозы по третьему пункту построены с широким привлечением примеров из Священного Писания. Спиноза был убеждён, что в самом Писании под чем-то, сделанным Богом или Его волей подразумевается сделанное в соответствии с порядком и законами природы, а никак не вследствие того (как полагает толпа), что «природа тогда перестала действовать» или был временно поколеблен её порядок. Например, Богом пророку Самуилу было открыто, что Он пошлёт к нему Саула²¹. По предположению Спинозы, «это послание Богом» было самым порядком природы, хотя в виде обычного повеления Бог и не посылал Саула. Слуга Саула, искавшего потерянных ослиц, посоветовал ему прийти к Самуилу для того, чтобы пророк подсказал, где могут находиться животные²² и «кроме этого порядка природы» другого повеления от Бога, заставившего его прийти, Саул не имел. По мнению Спинозы, в Писании много других подобных примеров и это доказывает, что слово, речь, приказание и решение Бога «суть... само действие и порядок природы»²³.

Приведённый материал, по утверждению Спинозы, не даёт повода усомниться: всё то, что запечатлено в Писании, «произошло естественным путём». Однако всё приписано Богу, ибо Писанию присуще «только рассказывать о тех вещах, которые широко охватывают воображение» в соответствии с «методом» и «стилем», способствующими порождению удивления и внедрению благоговения «в умы простого народа». По убеждению Спинозы, «произошло естественным образом» и то из описанного в Священном Писании, причины чего не поддаются изложению «и что, по-видимому, случилось помимо, даже вопреки порядку природы». Об этом, опять же, свидетельствует наличие сопровождавших чудеса «обстоятельств», о которых не редко умалчивается, тем более, «когда воспевают в поэтическом стиле». Например, у египтян появились нарывы лишь после того как Моисей рассеял в воздухе золу²⁴. Вследствие этого Спиноза настаивал: «хотя обстановка чудес и их естественные причины не всегда и не все указываются, однако без них чудеса не происходили»²⁵.

В начале размышлений по четвёртому пункту Спиноза предупредил, что ему «остаётся только заметить... о толковании чудес... и иллюстрировать [замечания. – В. Я.] тем или другим примером». По его убеждению, людям, рассказывающим о чём-либо, свойственно прибавлять что-нибудь к рассказу от себя. Потому-то, заметил Спиноза, в историях и летописях больше изложенных «мнений», чем описанных «деяний». Считая нецелесообразным для доказательства своих слов приводить множество примеров из естественноисторических или летописных трудов, Спиноза решил обратиться к эпизоду с чудом, заключавшемся в остановке Солнца и Луны²⁶. Данное чудо, по заключению Спинозы, могло помочь евреям убедить язычников-солнцеклонников в том, что Солнце подчинено другому божеству, способному заставить его «изменить свой естественный порядок»²⁷. Следовательно, евреи, руководствуемые «религиозным побуждением» и «предвзятыми мнениями» уразумели и изложили «дело» не так, как оно могло происходить в реальности.

Отсюда Спиноза вывел своеобразное правило: для толкования чудес Писания и понимания того, как они происходили в действительности, требуется «знать мнения» первых рассказчиков и описателей чудес «и различать

их от того, что могли представить им чувства». Многие из того, о чём в Писании повествуется как о «реальном» и что признавали реальным, являлось только «представлением и плодом воображения». Например, там говорится, «что Бог (высшее существо) сходил с небес»²⁸.

Спиноза вывел ещё одно правило: чтобы понимать то, как чудеса происходили на самом деле, необходимо «знать еврейскую фразеологию и тропы»²⁹. При недостаточном к ним внимании, Писанию можно «приписать» множество чудес, о коих его создатели и не собирались сообщать³⁰. К примеру, Захария так говорил о войне, которая случится в будущем: «И единственный будет день, Богу только известный (будет ведь), ни день, ни ночь, в вечернее же время свет будет»³¹. Эти слова скрывают простую неопределённость и неизвестность, связанные с ходом и итогом сражения; к тому же пророкам была свойственна подобная манера изложения. По наблюдениям Спинозы, Писание изобилует такими чудесами, которые у евреев считались лишь «фигурой речи». Обращаться к ним ко всем специально он не находил нужды и заметил, что иудеи «благодаря этим выражениям привыкли не только говорить вычурно, но и главным образом благоговейно»³².

Перед подведением итогов, Спиноза заострил внимание на том, что выводы о чудесах ему пришлось сделать исходя «только из принципов, дознанных при помощи естественного света». Однако Спиноза незамедлительно предупредил, что мог решить вопрос о том, происходит ли в природе что-либо противоречащее её законам или не выводимое из них, опираясь исключительно на догматы Писания³³. Так, в Писании постулируется, что природа «сохраняет прочный и неизменный порядок»³⁴, «что в природе ничего нового не случается»³⁵.

Следовательно, в Писании открыто «учат», помимо всего прочего, тому, что чудеса только вследствие людской неосведомлённости «кажутся чем-то новым» и раз там не говорится, что в природе происходит что-либо противоречащее её законам или не проистекающее из них, то этого и не следует «приписывать Писанию». Здесь же Спиноза внёс поправку: говоря, что Писание «учит» о чудесах, он не утверждает, что оно содержит учение о чудесах как необходимые для спасения «правила»³⁶. Он лишь уведомляет, «что проро-

ки принимали чудеса за то же, за что и мы»³⁷. Отчего в его понимании «каждому вольно судить» о чудесах «так, как он надумает, что для него лучше, для того чтобы предаться всем сердцем религии и почитанию Бога»³⁸.

Таким образом, выполненный обзор позволяет высказать предположение, согласно которому концепция чудес Спинозы была подчинена не только ракурсу критики, но и ракурсу сдержанного оправдания чудес как неотъемлемых феноменов религиозного мировидения. В подтверждение этому можно выдвинуть ряд аргументов. Во-первых, острие его критики было направлено не столько на чудеса, сколько на атеистические по сути интерпретации чудес. Во-вторых, Спиноза не отрицал реальность событий, относимых людьми к чудесам, почему и представленные им как «дела» Бога и «естественные дела» чудеса Писания, и даже чудеса лжепророков не теряли в его прочтении событийную чудесность. В-третьих, указав, что Писание не содержит учения о чудесах, Спиноза, по существу, признал то, что практика восприятия чудес была и будет подчинена иррациональному опыту. В-четвёртых, предоставив всем право свободного толкования чудес, Спиноза, фактически, согласился с тем, что само их существование легко доказывать просто посредством веры в них как таковые, и что с учётом высказанных им замечаний вера в чудеса вполне допустима.

Примечания

¹ Спиноза, Б. Богословско-политический трактат // Избранные произведения : в 2 т. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. Т. 2 / ред. Ф. Стронгина. С. 87–104.

² Габинский, Г. А. Теология и чудо. Критика богословских концепций. М. : Мысль, 1978. С. 54. См. об этом также: Беленький, М. С. Спиноза. М. : Молодая гвардия, 1964. С. 152–153; Соколов, В. В. Спиноза. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 1977. С. 108.

³ Твердовская, Н. В. Философская рефлексия чуда в контексте европейской рациональности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1996. С. 13–14.

⁴ Спиноза, Б. Богословско-политический трактат. С. 88.

⁵ В используемом издании трактата слова

«Бог» (включая местоименные формы), «Святой Дух» везде начинаются со строчной буквы.

⁶ Спиноза, Б. Богословско-политический трактат. С. 87.

⁷ Там же. С. 88.

⁸ Там же. С. 88–89.

⁹ Там же. С. 89.

¹⁰ Там же. С. 89–90.

¹¹ Там же. С. 90.

¹² Там же. С. 90–91.

¹³ Там же. С. 91.

¹⁴ Там же. С. 92.

¹⁵ Там же. С. 92–93.

¹⁶ Там же. С. 93.

¹⁷ См.: Втор. 13: 1–5. Ссылки на библейские тексты сделаны по изд.: Библия : книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета : канонические. М. : Известия : Протестант, 1991. 1224 с.

¹⁸ Спиноза, Б. Богословско-политический трактат. С. 94. См.: Исх. 32: 1–4.

¹⁹ См.: Исх. 10: 1, 2.

²⁰ Спиноза, Б. Богословско-политический трактат. С. 95.

²¹ См.: 1 Цар. 9: 15, 16.

²² См.: 1 Цар. 9: 6.

²³ Спиноза, Б. Богословско-политический трактат. С. 96.

²⁴ См.: Исх. 9: 10.

²⁵ Спиноза, Б. Богословско-политический трактат. С. 97.

²⁶ Там же. С. 99. См.: Иис. Нав. 10: 12, 13.

²⁷ Спиноза, Б. Богословско-политический трактат. С. 99–100.

²⁸ См.: Исх. 19: 20.

²⁹ Спиноза, Б. Богословско-политический трактат. С. 100.

³⁰ Там же. С. 100–101.

³¹ См.: Зах. 14: 7.

³² Спиноза, Б. Богословско-политический трактат. С. 101.

³³ Там же. С. 102.

³⁴ Там же. С. 102–103. См.: Пс. 148: 6; Иер. 31: 35, 36.

³⁵ См.: Еккл. 1: 9, 10, 11.

³⁶ Спиноза, Б. Богословско-политический трактат. С. 103.

³⁷ Там же. С. 103–104.

³⁸ Там же. С. 104.